

**ВЛАДИМИР
ВОРОНОВ**

**МЕЧ
ИМПЕРИИ**

**ПРОДАТЬ
И ПРЕДАТЬ**

**НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОЙ АРМИИ**

Меч империи

Владимир Воронов

**Продать и предать. Новейшая
история российской армии**

«Алисторус»

2014

Воронов В. В.

Продать и предать. Новейшая история российской армии /
В. В. Воронов — «Алисторус», 2014 — (Меч империи)

Автор этой книги Владимир Воронов – российский журналист, специализирующийся на расследовании самых громких политических и коррупционных дел в стране. Читателям известны его острые публикации в газете «Совершенно секретно», содержавшие такие подробности из жизни высших лиц России, которые не могли или не хотели привести другие журналисты. В своей книге Владимир Воронов разбирает наиболее скандальное коррупционное дело последнего времени – миллиардные хищения в Министерстве обороны, которые совершались при Анатолии Сердюкове и в которых участвовал так называемый «женский батальон» – группа высокопоставленных сотрудниц министерства. Коррупционный скандал широко освещается в СМИ, но многие шокирующие факты остаются за кадром. Почему так происходит, чьи интересы задевает «дело Сердюкова», кто был его инициатором, а кто, напротив, пытается замять скандал, – автор отвечает на эти вопросы в своей книге.

© Воронов В. В., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

От автора	5
Часть I	6
Секретный бизнес-план Сердюкова	6
«Шестилетка» Иванова	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Владимир Воронов

Продать и предать. Новейшая история российской армии

От автора

Вряд ли кто оспорит утверждение, что армия в России – одна из фундаментальных основ нашей государственности. Именно от нее не раз и не два зависело, быть ли нашей стране вообще. Не говоря уже о том, что вряд ли у нас есть семья, в той или иной степени не соприкасавшаяся с армией – кто-то служил или служит, воевал, погиб на войне. Поэтому даже человеку, совершенно далекому от военного дела, сложно быть совсем уж равнодушным к тому, какая у нас армия ныне и какой она должна быть...

Отсюда и главный «армейский» вопрос, которым многие задаются все последнее десятилетие: отчего военное реформирование в нашей стране никак не может вырваться из тупика? Что (или кто) мешает этому? Почему у нас и по сей день нет армии современной – в полном смысле этого слова – и в полной же мере отвечающей задачам и потребностям России?

Каждой эпохе присуща своя армейская конструкция. Советская армия своему времени соответствовала. Не секрет, что Российская армия по сути – клон советской, унаследовавший ее доспехи: советское вооружение, советские доктринальные установки, советские военные кадры – с их советским же военным мышлением, системой воспроизводства и комплектацией. Увы, но и по сей день попытки использовать советскую военную машину в совершенно иных условиях больше напоминают поползновения дистрофика облачиться в совершенно неподъемные для него доспехи былинного богатыря, к тому же еще изрядно поржавевшие.

Можно ли вообще успешно реформировать урезанный клон советской военной машины, доставшийся нам в наследство от ушедшей эпохи? И возможно ли достичь желаемого путем лишь чисто механических и количественных сокращений или грандиозных финансовых вливаний? И, главное, позволительно ли хоть что-то реформировать, сделав разменной монетой судьбы сотен тысяч ветеранов военной службы (и их семей), отдавших десятки лет своей жизни ратному служению своей стране?

Вопросов масса. Но эта книга – не фундаментальное исследование, дающее готовые ответы на них, а лишь зарисовки с натуры, сделанные в режиме реального времени. Фрагменты мозаики, сложив которые, каждый сам может попытаться представить картину того, что происходило с военным организмом и вокруг него на протяжении последнего десятилетия.

Часть I

Полный аутсорсинг

Секретный бизнес-план Сердюкова

Действо, для вящей конспирации обозначенное как «реформирование вооруженных сил», когда-нибудь, быть может, назовут именем его вдохновенного реализатора. А что, «сердюковщина» — это звучит гордо, разве нет? Да и не первым будет — история нашего государства знает таких ретивых руководителей ведомств, которые в своем рвении зашли столь далеко, что их имена стали нарицательными. Тоже в общем неглупые люди были, исполнительные...

Сага о заветном миллионе

О военной реформе твердят больше четверти века — с тех самых пор, как выяснилось, что армия нашему государству не по карману: военный организм сжирал не менее 13 процентов валового внутреннего продукта (ВВП) страны. Уже Маршалу Советского Союза Дмитрию Язову предлагали подумать об армии, имея в виду ее удешевление. Дмитрий Тимофеевич успел даже отрапортовать о завершении каких-то перемен. В 1992 году реформой занялся тогдашний глава Минобороны Павел Грачев. Под реформированием подразумевалось все то же: латание чудовищной бюджетной брешки, которую пробивали расходы на армию. Выход нашли единственный — сокращение. Кое-каких успехов на этом фронте министр достиг: если в 1992 году в Вооруженных силах РФ служили 2,8 миллиона человек, то на 1 января 1996-го — 1,7 миллиона. Кремль рассчитывал урезать еще, но тут Грачев уперся.

А потом пришло время реформы по-путински. На совещании в Совете безопасности России 27 сентября 2000 года Владимир Путин обрушился чохом на всех силовиков: «Свыше 35 процентов расходной части бюджета Россия тратит на военные ведомства и министерства... Не можем твердо и уверенно сказать, к сожалению, что эффективно тратим деньги государства и деньги налогоплательщиков... Мы плохо представляем себе реальные размеры этой машины». Но «никакого механического сокращения быть не должно», — все же добавил Верховный. Однако уже на другой день начальник Главного организационно-мобилизационного управления Генштаба ВС РФ генерал-полковник Владислав Путилин заявил: Вооруженные силы сократят. Причем решили не мелочиться — замахнуться сразу на 600 тысяч человек, о чем и поведал Сергей Иванов, тогдашний секретарь Совета безопасности. По сути, Кремль анонсировал намерения довести к 2003 году численность вооруженных сил до 800–850 тысяч человек.

В конце 2001 года Путин одобрил «проведение мероприятий по поэтапному переходу к комплектованию части Вооруженных сил России на контрактной основе вместо призывной». А в мае 2002-го вновь заговорили о магическом миллионе: мол, если за три года сократим до него, все проблемы сами собой рассосутся. Тогда же правительство выделило 2 миллиарда 673 миллиона рублей на эксперимент по переводу 76-й воздушно-десантной дивизии на контрактную основу. Но 2 октября 2003 года Владимир Путин заявил: «С 1992 года Вооруженные силы были сокращены более чем в два раза... Достаточно!» Однако в декабре 2005-го верховная власть вновь возвестила: в России началась военная реформа. И опять заявлено о сокращении до того же заветного миллиона, до которого якобы уже досокращались! Но когда анонсировали уже реформу «по-сердюковски», оказалось: за предыдущие годы — при министре Сергее Иванове — «оптимизировать» удалось лишь 34 тысячи человек в погонах.

Первый звездопад

Когда Анатолия Сердюкова, человека даже не гражданского, а вызывающе штатского, назначили министром обороны, к его колоритной фигуре присматривались с усмешкой. Поначалу даже шутили, что если после Павла Грачева с министерством обороны в состоянии управиться даже прапорщик, то уж после Сергея Иванова – каждый мебельщик.

Дошутились: стали просачиваться сведения, что специально обученные и назначенные сотрудницы по приказу министра вынуждают работников центрального аппарата МО заниматься самоотчетами и самохронометрированием использования рабочего времени. На что этого самого времени уходило много больше, чем на управление войсками и написание директив. Все это до боли напоминало проводимые в западных школах бизнеса занятия для младших менеджеров по подготовке «оптимизации» – увольнению грузчиков, такелажников и младших продавцов.

Размах же последовавших затем кадровых перемен в военном ведомстве поражал масштабностью и стремительностью: даже и на войне генералов так не выкашивало. Были заменены все заместители министра обороны, иных и вовсе меняли по несколько раз. Непотопляемы оказались лишь те, кого сложно было обвинить в военном профессионализме – Николай Панков и Любовь Куделина, внедренные на оседание в МО еще в 2001 году. *[Николай Панков и поныне там, а Любовь Куделину лишь в апреле 2009 года заменят на безликую Веру Чистову, курировавшую до того в Минфине финансирование силовых структур и ВПК. Но та задержалась ненадолго – в 2010 году ее поменяли на Татьяну Шевцову, прошедшую, можно сказать, бок о бок с Анатолием Сердюковым путь от питерской налоговички до замруководителя Федеральной налоговой службы – того же Сердюкова.]* Летом 2008-го одновременно и практически полностью сменено руководство Генерального штаба – сам начальник Генштаба (НГШ), почти все его замы, руководители ряда управлений, направлений, отделов. В одночасье был уволен начальник тыла Вооруженных сил. Назначены новые начальники всех главных управлений МО, попутно, разумеется, зачищены и низовые звенья этих структур. Новым командованием обзавелись Служба расквартирования и обустройства и Железнодорожные войска. Заменены главнокомандующие Сухопутных войск, ВВС и ВМФ, командование ВДВ и Космических войск. Командующие войсками сменены во всех шести военных округах – Московском, Ленинградском, Северо-Кавказском, Приволжско-Уральском, Сибирском и Дальневосточном. Сменено командование и всех четырех флотов – Северного, Балтийского, Черноморского и Тихоокеанского – на первых порах пожалели лишь Каспийскую флотилию...

И лишь одноразовой заменой не обошлось: на ряде ключевых постов за это же время сменилось несколько руководителей. Но когда за год-два начальники со страшной силой меняются несколько раз, о какой дееспособности можно говорить? Скажем, Главное управление боевой подготовки непрерывно трясло аж с 2004 года, когда в знак протеста против политики тогдашнего министра обороны Сергея Иванова подал в отставку начальник этого управления, генерал-полковник Александр Скородумов. В 2005 году ему на замену прислали генерал-полковника Александра Герасимова, но уже на следующий год его сменил генерал-лейтенант Владимир Лукин. Едва-едва тот освоился, как в ноябре 2007 года и его поменяли – на генерала Владимира Шаманова. Пока последний после семилетнего отрыва от армии вникал в дела структуры, ему ранее малоизвестной, грянула война с Грузией. Четвертый начальник за четыре года – до боевой ли подготовки было с такими «рокировочками»?!

Вот и начальник связи Вооруженных сил (он же и заместитель начальника Генштаба) к моменту объявления «реформ» был уже третий за последние три года. Начальник вооружений – тоже третий: в апреле 2007 года генерала армии Алексея Московского заменили сначала генералом Николаем Макаровым, а когда последнего двинули на Генштаб, то главным

вооруженцем стал генерал-полковник Владимир Поповкин, возглавлявший до того космические войска.

В ВВС едва ли не полное обновление высшего комсостава произвели в мае 2007 года. Сменили не только Главкома, но и всех его замов, начальника Главного штаба и командующих армиями ВВС и ПВО. Главному штабу ВВС вообще не повезло: когда в начале 2007 года генерал-полковник Борис Чельцов, его тогдашний начальник, заявил, что военная доктрина России устарела, его сняли. Но и сменивший Чельцова генерал-полковник Игорь Хворов долго не просидел, слетев после грузинской войны...

Не обошлось и без человеческих потерь: 21 февраля 2008 года после разговора с министром Сердюковым в своем кабинете застрелился и.о. начальника Службы расквартирования и обустройства Минобороны генерал-полковник Виктор Власов. Сколь ни плохи были бы квартиры, но если их меняют как перчатки, а они стреляются – до обустройства ли войск им?

Каждая из этих «рокировок» влекла за собой настоящую кадровую лавину, вынесшую наверх одних и погребшую других командармов, комкоров, комдивов, комбригов и т. д., и т. п. Навскидку, только по официальным сообщениям, с февраля 2007-го по декабрь 2008 года произошло свыше сотни перемещений в звеньях действительно значимых и ключевых. Перемен для такого краткого промежутка времени как-то уж многовато, чтобы говорить о ротации и даже приливе «свежей крови»: обновление кадров столь кардинально, что впору говорить не о текучке кадров, а о трясучке и даже чистке.

И вряд ли стоит сомневаться, что значительная часть тех «рокировок» болезненно сказалась во время войны с Грузией, когда нормальное управление войсками было дезорганизовано почти до состояния хаоса.

НГШ на арене цирка

Чего греха таить, народонаселение РФ, согласно опрометчивым наблюдениям автора, к народонаселению Арбатского военного округа относится с некоторым предубеждением. Потому намеки на то, что генералов и полковников собираются «оптимизировать» точно так же, как грузчиков, такелажников, кладовщиков и младших продавцов сетей супермаркетов, вызвали поначалу лишь глумливые ухмылки. Намеки же на возможность основательной хирургической операции, выходящей за рамки генеральского звездопада, всерьез не воспринимались: мальчик столько раз кричал «волки, волки!», что веры ему уже нет – о сокращении армии до магического миллиона с завидным постоянством талдычат аж с 2000-го, а воз... пардон, БМП как бы и ныне там.

И вдруг грянуло 14 октября 2008 года: Анатолий Эдуардович наконец анонсировал грандиозный бизнес-проект, лаконично уложившийся всего в три емких пункта: общее сокращение численности вооруженных сил, сокращение офицерского состава и, главное, зато теперь у нас все будет в шоколаде. Экспертных суждений по поводу новации сразу появилось много – аж целых два. Одни привычно твердили про происки «мебельщика», разваливающего прекрасную армию и разгоняющего «уникальный» коллектив высочайших профессионалов. Другие, напротив, были согласны: сокращать надо, поскольку положение просто нетерпимо и уже невозможно содержать смердящий труп советской армии, облепленный навозными мухами.

Но в целом тогда воцарилась удивительная тишина, лишь изредка нарушаемая отдельными чинами МО, из невнятных разъяснений которых следовало, что уволят две трети офицеров – из 355 тысяч, ликвидируют институт прапорщиков и подавляющую часть военно-учебных заведений. Снимут погоны с военных врачей – пусть оперируют раненых в рамках трудового законодательства и в рабочее время. Еще пригрозили ополовинить мозг военного организма – штабы, включая Генеральный. Пообещали расформировать полки и дивизии, перейдя на бригадную систему.

Офицерам – тем, кто выживет после реформы – обещали фантастические оклады. Как ищут деньги? За счет тех, кого выкинут на улицу без выходных пособий, пенсий и жилья? Такой вывод можно было сделать из вялых реплик начальника Генштаба: государство перекладывает решение социальных вопросов на плечи самих офицеров, изгоняемых из армии. Вот и вся «реформа». По сути, одной части офицеров было предложено съесть другую. Что же это за сверхзадача, ради которой государство готово на такой опасный социальный эксперимент?

Молчали все первые лица государства, один из которых и Верховный главнокомандующий, и председатель Совета безопасности, другой – в недавнем тоже Верховный, а на момент начала «реформации» – премьер и ведущий член СБ. Истолковать это иначе, как молчаливое одобрение, невозможно. И как свидетельство, что масштабные преобразования были исключительно в компетенции самого министра: твори, что хочешь. Ну, а не получится – тебе же и отвечать. Потому как язык не поворачивается вымолвить, что тут сокрыто явное желание списать возможные издержки на формального инициатора реформ. Тем паче, драматическим искусством держать многозначительную паузу один из персонажей в совершенстве владеет со времен спецоперации «Не могу дозвониться до Генерального прокурора». Свое затянувшееся молчание президент прервет лишь полгода спустя, выступив 17 марта 2009-го на расширенном заседании коллегии МО, где о сути и смысле реформ не скажет НИ-ЧЕ-ГО!

Специально проштудировал тогда подшивки ряда ведущих изданий – тишина почти гробовая. Кое-что, конечно, было, но на фоне масштабности начинания общее количество публикаций оказалось поистине мизерно, да и те в своей массе ни глубиной анализа, ни информативностью не блистали. О реакции офицерской среды на анонсированные перемены ни слова, словно офицеров уже и за людей не считают – расходный материал. На кону же судьбы нескольких сотен тысяч человек, перспективы которых на гражданке, мягко говоря, туманны. У них семьи, это еще сотни тысяч – острейшая социальная проблема! И об этом ни слова. Или молчание выражало общее недоумение: да что происходит-то, зачем?! Хотя, конечно, вменяемые коллеги-журналисты ряд нестыковок уже выцелили: «Секретный бизнес-план министра Сердюкова», «основные положения военной реформы не ясны даже генералам», «реформа остается непонятой в офицерской среде», «ответов на вопросы, зачем и почему, нет до сих пор». В самом деле, ответьте, куда плыть собираются и с кем воевать, где враг потенциальный?

Ведомственные СМИ вообще воды в рот набрали. «Красная звезда», официальный орган МО, за все время умудрилась выдать на гора пятерочку заметулеч, в которых по существу дела ничего! Управление пресс-службы и информации МО выкладывало на сайт ведомства полнейшую лабуду: ничего конкретного о том, как будет происходить реорганизация, кого она затронет, что с ними будет. Создали, правда, пустой и бессодержательный раздел «О новом облике Вооруженных Сил Российской Федерации»: новый облик, что это – новый макияж?

Внимание привлекли лишь сводки, что высокопоставленные чины МО разъехались по округам разъяснять «позицию министерства обороны по реформированию Вооруженных Сил»: «С разъяснением проводимой в военном ведомстве работы по выходу на перспективный облик Вооруженных сил РФ выступил руководитель комплексной группы, начальник Генерального штаба генерал армии Николай Макаров...». Экзотика небывалая: решения верховной власти доводятся до офицеров лично начальником Генштаба! Что, с управляемостью армии полный швах или «разъясняют» такое, чего и командир части не в силах подчиненным вымолвить?

Все, что мы тогда слышали, даже не план реформирования – бессистемный набор туманных фраз. И никаких обоснований, внятной аргументации, расчетов – если они вообще велись, хотя бы и на круглой коленке главного военного финансиста. Больше всего это походило на пиар-акцию, о которую не стали мараться первые лица государства, но для подкрепления которой по должности назначен крайний – начальник Генштаба. Он и воспроизводил послы своего шефа, механически и без эмоций, хотя говорил о сослуживцах, которых уже списал. То,

что публично вещал начальник Генштаба, не заслуживает даже краткого изложения – просто голословный бред, в чем мог убедиться каждый – интервью

размещались на сайте МО. Но ведь начальник Генштаба – не попугай, он не может позволить себе пустые и безответственные заявления. В аналогичной ситуации его предшественники советских времен, маршалы Ахромеев и Огарков, незамедлительно подали бы в отставку. Генерал Макаров не подал. Зато, «разъясняя», подписал директиву «О недопущении разглашения сведений о реформировании Вооруженных сил РФ» (Пресс-служба МО пыталась было опровергнуть наличие этого документа, но вяло). Что скрывают?

Кадры решают все

Логика иных кадровых решений была вообще необъяснима. Скажем, назначили главным вооруженцем генерала Владимира Поповкина. Конечно, в космодромах и орбитальных группировках он спец, но от проблематики авиационного или артиллерийского перевооружения все же космически далек.

Еще более странно смотрелся в качестве начальника Главного управления боевой подготовки и службы войск генерал Шаманов. Он, конечно, Герой России, но за семь лет пребывания «на гражданке» сильно оторвался от армии. Зато опытный вояка? Только опытом каких современных войн владел тогда наш герой – пары чеченских кампаний, карательных и по всем меркам локальных. Да и репутация у Владимира Анатольевича своеобразная. Покойный ныне генерал Геннадий Трошев красочно описал, как Шаманов буквально лаялся с командующим войсками СКВО генералом Казанцевым, поливая старшего начальника нецензурщиной! А уж с подчиненными и вовсе не церемонился: «Меня внутренне корбило, – писал Трошев, – когда слышал обиды офицеров на Владимира Анатольевича: он мог запросто оскорбить, унижить, обматерить (причем прилюдно)». Диагноз, однако! Еще Трошев вспоминал, как группировка генерала Шаманова «все громит на своем пути», не считаясь с собственными потерями: никаких искусных маневров – в лоб, напролом! В свое время даже Аслан Масхадов не удержался от ехидной реплики в адрес своего противника: «В самом начале войны генерал Шаманов заявил: через две недели напою коня в реке Аргун... До реки Аргун максимум 40–50 километров. Кто читал боевой устав, тот знает, что такое наступление, и если бы он, как положено, наступал, находясь в непосредственном соприкосновении с противником в темпе трех километров в час, то должен был достичь Аргуна за двенадцать часов. Генерал Шаманов наступал два месяца и две недели, имея стопроцентное превосходство в воздухе, с огромным количеством бронетехники, вплоть до применения ракетных войск, против наших гранатометчиков и пулеметчиков». Какие перспективы, такие и кадры? Или это назначение – признание факта столь глубокой деградации армии, что с ее боевой подготовкой уже запросто управится генерал, давно не служивший в строю и с весьма специфичным опытом?

Некоторые новоиспеченные военачальники и вовсе не имели представления ни о военной службе, ни о деле, за которое им предстояло отвечать. В ноябре 2008 года Сердюков обзавелся новым замом, призванным курировать в Вооруженных силах вопросы развития информационных технологий и связи – Дмитрием Пушкиным. Образование вроде бы относительно соответствовало предназначению – диплом Уфимского авиационного института по специальности «Системы автоматизированного проектирования». Только трудился будущий повелитель генералов в отрасли, далекой от специализации – в налоговой инспекции. Утверждали, что армии пригодится его опыт налогового, поскольку и в налоговой он-де курировал информатизацию. Но информатизация мытарей и военных это, как говорится, две большие разницы!

Симптоматичны оказались и некоторые другие назначения. В июле 2008 года с должности начальника Главного оперативного управления (ГОУ) – заместителя начальника Генштаба – «попросили» генерал-полковника Александра Рукшина. Если Генштаб – «мозг армии», то

его оперативное управление— главная часть этого мозга. Обезглавливание ГОУ тут же аукнулось во время грузинской войны, когда Генштаб не смог ни боевые действия спланировать, ни управления войсками отладить. Вместо Рукшина во главе ГОУ поставили генерал-майора Сергея Суrowикина, ранее командовавшего 20-й общевойсковой армией. Послужной список нового назначенца казался вроде бы впечатляющим: Афганистан, Таджикистан, Чечня, контузия, три ранения, три ордена Мужества... Однако несложно было узнать, что генерал, как оказалось, так и не прошел всех положенных ступеней армейской лестницы и на должностях окружного уровня не служил. К числу серьезных штабистов его также не относили. Да и реальный командный опыт ограничивался командованием дивизией— на армии Суrowикин «сидел» всего полгода. Да и по предыдущим ступенькам проскакал стремительно: после дивизии всего за три года отметился как заместитель начальника штаба армии, начштаба, командарм, и сразу же начальник ГОУ! Геройскими подвигами и орденами взлет на такую штабную высоту не объясним, равно как и заслугами на строевом поприще. Про таких стремительных в армии обычно говорят: «его ведут», намекая на «мохнатую лапу». Как еще объяснить, что карьере новоиспеченного начальника ГОУ не повредили ни специфическая репутация, ни тянувшийся за плечами целый шлейф скандалов? Впервые Суrowикин «прославился» будучи комбатом, когда во время августовского путча 1991 года БМП его батальона задавила троих человек. После краха ГКЧП Суrowикин несколько месяцев провел в «Матросской Тишине». Освободили и даже повысили в звании, как утверждают, по личному указанию Ельцина. Позже направлен на учебу в Военную академию имени Фрунзе, где снова влип в неприятное дело: в сентябре 1995 года военный суд Московского гарнизона признал Суrowикина виновным в пособничестве в приобретении, сбыте и ношении огнестрельного оружия и боеприпасов, приговорив к году лишения свободы условно. Позже судимость вроде бы сняли, посчитав, что слушателя военной академии подставил преподаватель, якобы попросивший его передать коллеге с другого курса пистолет. Так или иначе, потом Суrowикина сплывили с глаз долой и подальше от Москвы — воевать в Таджикистан. Вновь его имя громко прозвучало, уже когда он стал командиром 34-й мотострелковой дивизии. Там у генерала была репутация «железной руки», но именно с его назначением дивизия регулярно стала фигурировать в сводках, связанных с мордобоем, убийствами и самоубийствами. То офицеры солдата насмерть запытают, то в избиении уже офицера обвинят самого генерала. В марте 2004 года в военную прокуратуру обратился подполковник Виктор Цибизов, утверждая, что его избил командир дивизии генерал-майор Сергей Суrowикин — за то, что на довыборах в Госдуму подполковник голосовал «не за того» кандидата. Дело получило огласку, но его замяли. А спустя месяц— новое ЧП: после учиненного генералом хамского разноса прямо в его кабинете застрелился полковник Андрей Штакал. И это дело замяли, перевели генерала в Чечню — командиром 42-й мотострелковой дивизией. Но и там у комдива ЧП: 21 февраля 2005 года под рухнувшей стеной птицефабрики погибли девять бойцов-разведчиков, трое тяжело ранены. Официальная версия: боевики выстрелили из гранатомета. Генерал Суrowикин тогда перед телекамерами поклялся, что за каждого погибшего бойца уничтожат троих боевиков. И ведь знал же комдив, что боя не было, напились вояки, и кто-то из них выстрелил внутри помещения из гранатомета! Но и это ЧП генералу не повредило, вновь повысили. Так и доповышались. Впрочем, Анатолию Сердюкову такой жесткий стиль должен был импонировать... (В конечном счете, ГОУ ГШ генерал Суrowикин, видимо, так и «не потянул», и в январе 2010 года его отправили в Екатеринбург — начальником штаба Приволжско-Уральского военного округа, ныне он в Хабаровске — начштаба — первый заместитель командующего Восточным военным округом. — *Авт.*)

Любая реорганизация вооруженных сил— всегда дезорганизация и кровопускание. Но когда это накладывается еще и на ускоренное кадровое «обновление», неизбежна потеря управляемости. И в состоянии такой нестабильности и дезорганизации военный организм находится уже давно. При таком раскладе человек в погонах озабочен вовсе не службой. Все

мы люди, все человеки, все думаем о своем, личном – кого в этом таежном гарнизоне выкинут без выходного пособия, пенсии и жилья, меня или сначала его. А тут еще и «реформа Сердюкова»?! Очень сомнительно, конечно, что Сердюков был поставлен на МО именно с целью прервать брэнное существование военного ведомства, хотя некоторые его начинания не могли не наводить на эту мысль. А их результаты вводят в ступор: подобного кадротясения в мирное время наша армия не знала года так с 1937-го. И более всего шаги «модернизаторов» напоминали набор превентивных мер предотвращения... военного переворота... А начиналось все при генерале госбезопасности Сергее Иванове, которого для того и забросили на Арбатский плацдарм, дабы приструнить армейский генералитет.

«Шестилетка» Иванова

Сергей Иванов пробыл министром обороны без малого шесть лет. И это рекорд. Без шуток: после Дмитрия Федоровича Устинова никто, кроме нашего героя, не сумел столь долго продержаться в кресле руководителя МО! Маршал Сергей Соколов поруководил два с половиной года, маршал Дмитрий Язов – четыре, маршал авиации Евгений Шапошников протянул 4 месяца, «лучший министр обороны всех времен и народов» Павел Грачев едва перешагнул четырехлетний рубеж, генерал Игорь Родионов и года не покомандовал, а единственный пока российский маршал Игорь Сергеев осилил три года и 10 месяцев. Уже поэтому военная шестилетка генерала госбезопасности Сергея Иванова – достижение. Отсюда и вопрос: сотворил ли на этом посту «гражданский» министр Иванов нечто такое, что до него не удавалось никому?

Шаманские пляски военного министра

На этот счет точки зрения разнятся. Сам Иванов – будучи министром – собой вполне был доволен, как-то заявив, что вверенная ему отрасль развивается стабильно и «произошла жесткая увязка развития всех сфер Вооруженных Сил страны». Генералитет отмалчивался, хотя это едва ли не самый заинтересованный контингент. Хвалебных статей на исходе ивановского сидения было мало даже в прокремлевской прессе: СМИ тогда взхлеб обсуждали лишь дедовщину, да еще шансы Сергея Борисовича попасть в круг преемников Путина. Независимые же эксперты соревновались в прогнозах, когда именно будет снят министр обороны, а совсем уж широкая общественность из всех сил этот исторический момент старалась приблизить. Учинив, например, сбор подписей под петицией с требованием «Иванова – в отставку!» Еще к пятилетнему юбилею пребывания Иванова в министрах на стол Путину легли девять тысяч подписей тех, кто был уверен, что юбиляр «не справился с выполнением своих должностных обязанностей в сфере создания достойных человека условий службы и армейской дисциплины».

Мало того, на министра обороны ополчились тогда даже... шаманы: он и с ними умудрился поспорить, заявив на заседании оргкомитета «Победа», что «складывается парадоксальная ситуация, когда в газетах хорошая статья публикуется рядом с рекламой борделей, шаманов и прочих прохиндеев». Шаманы, вряд ли реально слышавшие и читавшие министра, возбудились не сразу – аккуратно к пику подписной акции против Иванова. Устами верховного шамана Тувы тогда веско было заявлено, что шаманизм – традиционная российская религия: «Шаманы – лекари. Шаманы – музыканты. Шаманы – поэты. Шаманы – экстрасенсы. Шаманы – ясновидящие». В общем, шаманы потребовали от Иванова публичных извинений, пригрозив беспорядками. И хотя Сергей Борисович заявит, что «художественный свист о моей отставке меня не беспокоит», но шаманы – это серьезно. Потому, как водится, во всем обвинили прессу, якобы искажившую слова министра: «Никакой вины я не чувствую, так как слово «шаман» я не произнес, я произнес слово шарлатан...».

Получается, власть и общественность не просто диаметрально противоположны в оценке деятельности министра, но, как мы видим, требовали от министра обороны совершенно различного. Общественность желала реального военного реформирования, под которым понимала в первую очередь ликвидацию дедовщины и создание профессиональной армии, комплектуемой на контрактной основе.

Дедовщина как инструмент карьерного роста

А вот власть, очевидно, эти проблемы заботили мало. Самым наглядным подтверждением этому тогда стало «дело Сычева». В новогоднюю ночь 2006 года в Челябинском танковом институте (бывшее высшее военное командное танковое училище) старослужащие так запытали рядового Андрея Сычева, что когда того доставили в больницу, ему пришлось ампутировать обе ноги, половые органы и палец на руке.

Только наивный может считать, что шум вокруг этого дела возник сам по себе и лишь по инициативе забивших во все колокола СМИ. Была версия, что скандалом решили воспользоваться аппаратные конкуренты-оппоненты Иванова, в военном ведомстве тогда так и заявили: «Развернута кампания против Сергея Иванова, поощряемая некоторыми фигурами в Кремле». В самом деле, не могли же прокремлевские СМИ столь активно раскручивать скандал без благovolения свыше?! Однако под Иванова ли был подведен основной заряд, ему ли были предназначены стрелы критики? Анализ материалов подводил к парадоксальным выводам: главной мишенью был все же не министр обороны, а его генералы, причем не все оптом – вполне конкретные.

Массированный вброс информации о рядовом Сычеве был произведен 25 января 2006 года – почти месяц спустя после жуткого случая. И, надо же, совершенно случайно и у начальника Генерального штаба, и у Главного военного прокурора к этому моменту оказались загодя заготовленные комментарии: «Возмутительно! Беспрецедентно! Виновных найти! Покарать!»

Если отбросить словесную шелуху и вчитаться в гневные слова, реальный адресат удара обозначался достаточно четко. Особенно тогдашним начальником Генштаба генералом Юрием Балуевским: «Я глубоко возмущен тем, что... руководство... Сухопутных войск не знало истинного положения дел». Вот тут-то Главком, генерал Алексей Маслов, и его замы завертелись, как на сковороде, оправдываясь, посылая в Челябинск комиссию за комиссией. А тут еще военная прокуратура вызвала на допрос аж самого генерала Маслова – как свидетеля по делу. Но сам вызов туда военачальника такого ранга – это как вручение «черной метки». При этом министр обороны не высказал в защиту Главкома ни словечка, недвусмысленно присоединившись к порицанию, высказанному начальником Генштаба.

Не будем наивными: ни генерала Балуевского, ни Иванова проблема дедовщины не волновали ни в малейшей степени. И у помощников министра была масса возможностей и рычагов, чтобы зажать информацию или снизить пафос. Значит, «дело Сычева» сознательно вытащили на белый свет, предав широкой огласке именно для того, чтобы приструнить командование Сухопутных войск? Для чего?

Отгадка, возможно, кроется в не особо афишируемых событиях декабря 2005 года. Если верить просочившейся (и не опровергнутой) информации, 6 декабря 2005 года под руководством начальника Генерального штаба Балуевского состоялось совещание высшего состава, на котором обсуждалась совершенно новая генштабовская концепция строительства вооруженных сил. Суть идеи: упраздняются все существующие шесть военных округов, а вместо них создают три региональных направления – «Восток», «Юг» и «Запад». Поскольку не будет округов, то вместе с ними ликвидируются главкома™ видов Вооруженных сил и командования родов войск – их тоже планировали заменить на направления, уже созданные в Генштабе. Как можно понять, флот и авиацию также планировали раздергать по этим трем направлениям.

Не собираюсь комментировать плюсы или минусы замысла, однако легко догадаться, что новация означала коренную ломку существующей военной структуры, упразднение огромного количества прежних должностей, штабных звеньев и формирование новых. По сути, целая

кадровая революция, расчищавшая путь новым генеральским кланам, в ходе которой «мимо кассы» неизбежно пролетала бы львиная часть действующих военачальников – а им это надо?!

Проект Генштаба вызвал отторжение всех без исключения главкомов видов Вооруженных сил и командующих родами войск. А уж руководству Сухопутных войск восстать против новации сам бог велел: именно оно в случае реализации концепции и теряло все. Ответный удар генштабистам армейцы нанесли через... прессу, осуществив утечку информации о проекте, да еще и с такими деталями, о которых ведать могли лишь непосредственные участники секретного совещания! На что незамедлительно вынужден был отреагировать министр обороны. Иванов тогда поспешил успокоить генералов, заявив, что «никаких планов по ликвидации военных округов и флотов ни сегодня, ни в отдаленной перспективе не существует», «не существует никаких планов упразднения главкоматов видов Вооруженных сил и создания вместо них Стратегических командований на направлениях». Однако саму идею создания таких региональных направлений назвал «правильной»!

Пристрелочный залп по генералам-оппонентам дали уже 16 декабря 2005 года: военная прокуратура вдруг занялась проверкой на предмет «служебных злоупотреблений» подчиненных главкома Сухопутных войск, начав с генерал-майора Евгения Веселова, заместителя командующего войсками Московского военного округа. И оправдываться вынужден уже командующий МВО – одна из самых ключевых армейских фигур.

Но 20 декабря того же года следует новое развитие скандала: очередная утечка в прессу, где черным по белому сообщается, как все главкомы и командующие родами войск дружно отказались от участия в реформах Балуевского, а руководители МО ищут возможных территориальных главкомов среди командующих военными округами и армиями. По сути, если подходить строго юридически, налицо было явное разглашение высшими военными чинами вверенной им государственной тайны, да еще такой значимости и масштабов, что перед ней меркнут все шпионские дела последнего десятилетия вместе взятые!

Естественно, ни Иванов, ни Балуевский такой выпад оставить без ответа не могли. Формальный ответ был вскоре дан устами первого заместителя министра обороны генерала Александра Белоусова: до 2010 года никаких изменений в структуре вооруженных сил не будет. А по существу генералам-фрондерам дали понять, что они зарвались, воспользовавшись «делом Сычева». Каковое тут же и спустили на тормозах, как только оно исполнило свое предназначение: стоило лишь появиться обобщениям на предмет дееспособности самого министра, как казенные СМИ, дело и раскрутившие, стали уверять, что солдатик сам во всем виноват...

В свою очередь, генералы, прекрасно понимая, что без одобрения министра идея «оптимизации» армейской структуры света в жизни не увидела бы, сделали вид, что «восстали» вроде как только против Балуевского: слив негативных материалов на команду начальника Генштаба продолжался долго. При этом особо подчеркивалось, что инициаторы реформы (сам Балуевский и его замы) и никакого личного боевого опыта не имеют, и послужные списки их хромают – положенных, мол, военачальникам карьерных ступенек они не прошли, армиями и военными округами не командовали...

Так или иначе, свое пребывание на Арбатской площади Сергей Иванов завершал с острым конфликтом внутри ведомства. Причем спор тот был о будущем, похоже, вовсе не вооруженных сил (хотя по форме и выглядел таковым), а конкретных генеральских кланов. Ибо, повторюсь, реализация плана Балуевского означала бы взлет одних генеральских кланов и, соответственно, закат других. Цена вопроса (что тоже немаловажно) тянула, по разным оценкам, от 150 до 180 миллиардов долларов...

В теории, самому Иванову новая перестройка военного организма тоже была небезвыгодна. И не только потому, что могла обеспечить контроль над распределением очередных вливаний, но и потому, что, подобно дымзавесе, прикрывала бы зияющий провал всех предшествующих попыток реформирования. Или их имитаций. То, что по этой части провал иванов-

ской «шестилетки» полный, мало кто публично оспорит. Равно, как вряд ли по части положительного баланса пройдет проблема перевооружения: армия и флот за эти годы не только практически не получили от промышленности мало-мальски значимого количества новой техники – разваливалась уже имеющаяся на вооружении, поскольку средства на ее содержание, регламентное обслуживание и ремонт попросту испарялись неведомо где. И это при том, что военные расходы за время министерства Иванова выросли фантастически: если в 2000 году официальный военный бюджет составлял 146,4 миллиарда рублей (около 5 млрд. долларов по тогдашнему курсу), то в 2005-м – уже 550 миллиардов рублей (18,9 млрд. долларов). На 2006 год на военные нужды сначала планировали выделить 668,3 миллиарда рублей (24 млрд. долларов) – прирост за год в 21,6 %. Но затем главный военный финансист Любовь Куделина сообщила о выделении уже свыше 711 миллиардов рублей (это 25,53 млрд. долларов): получается более чем пятикратное приращение военного бюджета за первые пять лет «эры Иванова»! И ведь это только официальные цифры. Как и на что расходуются средства, как это сказывается на реальной боеспособности? Да как-то уж там осваиваются...

По тылам врага

Критикам же Сергея Иванова стоило задаться иными вопросами: а кто сказал, что он вообще собирался заниматься военным реформированием? Для того ли его, генерала госбезопасности, забросил в армейские штабы и тылы другой чекист, чтобы искоренять дедовщину или заниматься созданием профессиональной армии?

Усомнюсь: за все время своего президентства господин Путин вообще ни разу употребил термин «дедовщина» и лишь один-единственный раз обмолвился о «неуставных отношениях», ни разу даже и не пожурив за них военачальников. О военной реформе Верховный главнокомандующий не вспоминал уже давно: вроде как состоялась, забудем...

О том, зачем реально в марте 2001 года во главе МО поставили профессионального чекиста, вслух никогда не говорили. Не было даже официальной мотивировки, хотя послали не одного Иванова – вместе с ним тогда в министерство десантировали целую когорту выходцев из госбезопасности. Одно из неформальных объяснений звучало так: Путин везде продвигает людей из КГБ-ФСБ, стремясь повысить качество исполнительской дисциплины управленческого аппарата и его лояльность. На кого, мол, еще было положиться, если не на коллег-чекистов?

Официально свои претензии к тогдашнему генералитету президент Путин обозначил сначала на ряде совещаний летом 2000-го, затем высказал их 20 ноября 2000 года на совещании руководящего состава вооруженных сил: «среди руководящего состава Министерства обороны и Генштаба – лишь единицы тех, кто ранее командовал армией или штабом военного округа. Абсолютное большинство назначенных... на ключевые должности в Центральном аппарате передвигались по служебной лестнице исключительно в московских штабах и московских учреждениях... Из центра мало кто выдвигается на командную работу в войска...»

По сути, это уже заявка на предстоящую кадровую чистку, для реализации которой всего четыре месяца спустя и пришлют Иванова. Однако все это, не более, чем предлог. Потому как посмотрим на результат. Скажем, начальник Генштаба Квашнин (коему тот выпад и был адресован) просидел в своем кресле еще почти четыре года. Сменивший же его генерал Балуевский относится аккуратно к тем, кто «передвигался в московских штабах». Ибо послужной список генерала Балуевского гласит: рота – вот максимум, чем он командовал во время службы! Дальше были уже марш-броски исключительно по штабам, причем начальником штаба полка, дивизии, корпуса, армии или округа Балуевский никогда не служил. Разве лишь ненадолго возглавил штаб Группы российских войск в Закавказье – когда это была уже не боевая группировка, а разложенная и деморализованная структура. Это вовсе не в упрек генералу, но

получается, что опыт самостоятельной штабной работы начальник Генштаба обрел, лишь этот самый Генштаб и возглавив?!

Замы Балуюевского были ему под стать. Скажем, потолком строевой службы его первого зама – начальника Главного оперативного управления генерал-полковника Александра Рукшина (однокашник Балуюевского по Академии Генштаба, они вместе закончили ее в 1990 году) – было командование учебной дивизией, каковая по сути и не дивизия вовсе, а окружной учебный центр. У другого зама НГШ, начальника Главного организационно-мобилизационного управления генерал-полковника Василия Смирнова, официальная биография затуманена настолько, что начинается она с совершенно неконкретного и скромного упоминания, что с середины 1990-х имярек появился в ТОМУ Генштаба. А чем он командовал до того?! Пройди генерал все положенные от взвода до, скажем, штаба округа карьерные ступени, так и было бы написано... Еще один заместитель Балуюевского, генерал-полковник Александр Скворцов: опять же, в его биографии ничего, кроме дат окончания училища и академий, а с 1985 года товарищ и вовсе не в строю – преподает, и лишь в 1998-м появляется в Генштабе...

Армейско-флотский комсостав со времени прихода Сергея Иванова в МО был почищен основательно: заменены все главкомы видов ВС и командующие родами войск, сменены командующие округами, иные замены произведены несколько раз. Заменены командующие всех, без исключения, флотов (и Каспийской флотилии). Проще говоря, полностью произведено обновление ключевых фигур.

При этом картина сложилась любопытная. Если в 2000 году среди высшего комсостава было достаточно много генералов с боевым опытом, сделавших карьеру на чеченских войнах, первой и второй, то к финишу «правления» Иванова тон задают уже не боевые генералы! «Чеченцев» явно отодвигали на задворки – точно так же, как ранее аналогичный фокус проделали с ветеранами афганской кампании! И это далеко не случайно: власть откровенно опасается спайки генералов с боевым опытом, стремясь раскидать, разобщить, не допустить их консолидации – политической, прежде всего. Похоже, именно задача зачистки армии от потенциальных путчистов и была основной, поставленной президентом перед Сергеем Ивановым. Без экскурса в историю – дальнюю и ближнюю – здесь не обойтись.

«Мятеж не может кончиться удачей...»

По сей день многие видят причину сталинских чисток армии лишь в маниакальном стремлении «отца народов» отыскать заговор. Хотя, казалось бы, кто мог осмелиться покушаться на власть тов. Сталина, власть которого крепка, как броня?!

...Об этом событии в учебниках нет ни строки. Москва, 5 августа 1934-го, Сухаревская площадь, Краснопереконские казармы Московской пролетарской стрелковой дивизии. В 8 часов утра туда прибыл артиллерийский дивизион – 200 призванных на сборы запасников. И вдруг начальник штаба дивизиона, кадровый военный, слушатель военной академии Артем Нахаев, построив бойцов во дворе казармы, призвал их с оружием в руках выступить против... тов. Сталина, узурпировавшего власть и доведшего страну до нищеты. Затем, уже вместе с бойцами, Нахаев попытался захватить караульное помещение, чтобы вооружиться боевыми винтовками. Караул тогда едва отбился. Документы (переписка Сталина с Кагановичем) показывают, что вождь воспринял эту историю очень серьезно: его шокировало, что переворот запросто мог осуществить всего лишь один батальон. И на всякий пожарный случай он тогда решил вывести из Москвы ряд воинских частей – от греха подальше. А уж в том, что мятежники получили бы поддержку целой когорты высокопоставленных чинов Красной Армии, Сталин даже и не сомневался – на то у него были основания.

Корни той истории тянутся с конца 1920-х годов, когда во время очередного обострения отношений с Польшей, едва не вылившегося в войну (т. н. «военная тревога» 1926–

1927 гг.), вдруг выяснилось: армия к этой войне не готова. Но ответственность за такое положение военная верхушка недвусмысленно переложила на политическое руководство страны. Да еще устами Михаила Тухачевского, тогдашнего начальника Штаба РККА, предложила свой проект государственного развития, по сути, альтернативный партийному: для модернизации и перевооружения Красной Армии необходим перевод экономики страны на военные рельсы, да и вообще тотальная милитаризация. Сам факт такой постановки вопроса означал: военные, недвусмысленно обозначив свои политические амбиции, не считают себя всего лишь инструментом партии. Для партийной верхушки это было в принципе неприемлемо, даже смертельно опасно: в условиях однопартийной диктатуры лишь одна организованная сила имела потенциальную возможность перехвата власти – армия. А за Тухачевским, как известно, еще со времен гражданской войны закрепилась репутация «красного бонапарта»...

К счастью для тов. Сталина (и не без его усилий) эта самая военная корпорация была разобщена на враждующие друг с другом кланы, объединение которых казалось маловероятным. Но «компетентные органы» тогда регулярно (и достаточно правдиво) докладывали высшей инстанции, что амбициозные военачальники высокого ранга в своем кругу постоянно ведут беседы о желательности установлении военной диктатуры. Дальше разговорчиков в строю и вне его дело вроде бы не шло, но кому, как не мастеру политической интриги, было лучше знать, что слово – уже есть дело, все начинается с произнесенного. А при определенных условиях слова перерастают в действие. И если бы армейская верхушка вдруг выступила, ее шансы на успех были бы немалые: болтовню о перевороте вели не клерки, а люди, по приказу которых поднимались даже не батальоны или полки – дивизии и целые округа! Прикажете игнорировать такие разговорчики? Сталин так не считал. В 1930 году, как уверяют некоторые исследователи, именно небеспочвенные слухи о возможном дворцовом или военном перевороте побудили советских вождей – Сталина, Ворошилова, Орджоникидзе – на несколько месяцев, с июля по октябрь, покинуть Москву, затаившись на периферии. Сводки ОГПУ свидетельствуют: именно тогда Тухачевский в кругу друзей наиболее охотно разглагольствовал на предмет перспектив военной диктатуры.

Была «военная партия» или нет, но вопрос самосохранения требовал устранить саму возможность удара в спину и потенциального перехвата власти, кардинально решить проблему политической лояльности комсостава Красной Армии. Ее и решали, но постепенно – чистка образца 1937-го в начале 1930-х годов была еще невозможна. Но армия была нужна Сталину не просто лояльная, а боеспособная. Одно звено тянуло за собой всю цепь: кадры надо было сменить позарез, но их еще надо было подготовить – менялась вся военно-учебная система. Новая техника влекла за собой смену способов ведения боевых действий, тактики, полевых уставов, структуры. Получалась совершенно новая армия, для перевооружения которой, в свою очередь, нужна была другая экономика и... страна. Что и сделали. Назовем вещи своими именами: в 1930-е годы имела место самая натуральная военная реформа, хотя и слов-то таких никто никогда вслух не произносил. Но факты упрямы: военный организм претерпел кардинальные изменения, обретя принципиально новое качество. Да ведь и ломка всей страны, по сути, оказалась заточена именно под модернизацию армии: и коллективизация (читай, создание мобилизационной системы обеспечения продовольствием), и индустриализация, вообще милитаризация страны – все то, что и предлагал тов. Тухачевский. Потому как других путей воссоздания боеспособной армии тогда не было. И составная часть этой реформы – кровопускание 37-го: а как еще мог обновить кадровый состав РККА тов. Сталин, решая одновременно кучу вышеозначенных проблем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.